

ЛИСТИ Н.Д.ПОЛОНСЬКОЇ-ВАСИЛЕНКО ДО О.Д.БАГАЛІЙ-ТАТАРИНОВОЇ

В особистому архіві родини Багаліїв (м.Харків) зберігаються десятки листів, зокрема 19 послань відомого історика, автора славнозв'язної "Історії України" Н.Д.Полонської-Василенко (1884—1973), до своєї колеги і подруги, середньої доньки академіка ВУАН Д.І.Багалія — не менш завзятого науковця — О.Д.Багалій-Татаринової (1890—1942).

Теплі, щирі і дружні взаємини, позначені служінню рідній науці, довгий час єдали цих непересічних жінок України.

Правдоподібно, їх заприятення відбулося десь на початку 1920-х років, коли Наталя Дмитрівна Полонська-Василенко стала київським штатним науковим співробітником Харківської кафедри історії української культури, яка працювала під орудою академіка Д.І.Багалія.¹ Гадаємо, що цей статус давав можливість Наталі Дмитрівні здійснювати великі творчі задуми, планувати майбутню наукову працю. Тому цілком логічним виглядає той факт, що саме Ольга Дмитрівна, як помічниця і секретарка батька, взяла на себе обов'язки посередника між харківськими і київськими вченими. Ці стосунки ще більше зміцнилися, коли на прохання Дмитра Івановича Багалія Н.Д.Полонська-Василенко почала готувати до пересвідання його капітальні праці: "Історія заселення Південної України" та "Залюднення Степової України"², які з додатками та коментарями вирости на самостійне дослідження. Як зазначала дослідниця у звіті за 1929 р., перша праця забрала у неї майже рік. Вона зробила переклад твору українською мовою та написала додатки до всіх розділів обсягом 4 друкованих аркуші.³ Як видно з її археографічного опрацювання, Наталя Дмитрівна зуміла використати і творчо осмислити значний масив тогочасної наукової літератури. Часто думки історика набагато персвершують коментовані місця й складають цілком завершені розвідки. Так же інтенсивно працювала Наталя Дмитрівна над другою працею Дмитра Івановича — за досить короткий час розширила студію поважного академіка з 112 друкованих сторінок до 306 (!). Це була захоплююча і цікава робота, яка віднімала у Н.Д.Полонської-Василенко весь час, однак за цією марудною працею вона набиралася досвіду. Незмінним дорадником для неї весь час виступала Ольга Дмитрівна, яка постійно тримала подругу в курсі всіх наукових подій, зрештою, допомагала у пошуку рідкісної харківської літератури.

На початку 1932 року відійшов в інший світ академік Д.І.Багалій — довголітній керівник академічних комісій, де працювали Н.Д.Полонська-Васи-

ленко і О.Д.Багалій—Татарінова. Цілком природно, що за їх ініціативою і за дієвою участю тодішнього керівника Комісії для вивчення соціально-економічної історії України XVIII—XIX ст. в зв'язку з історією революційної боротьби (КВСЕІУ). О.П.Оглоблина перед Президією ВУАН було порушено питання про перевидання і видання праць покійного академіка.⁴ В основу цього проекту був покладений складений ще за життя самим Дмитром Івановичем план, який включав 15 томів, що охоплювали весь діапазон творчості видатного вченого. Саме на цій великій та інтенсивній роботі зосередили свою увагу ці дві талановиті жінки. На жаль, цій великій та потрібній справі не пощастило. Сталінщина на Україні все активніше давалася взнаки і в умовах ідеологічного тиску в період гострої критики праць Д.І.Багалія з боку партійних функціонерів від науки, ця робота була згорнута. Ці події на деякий час розвели подруг, однак листовний зв'язок між ними не припинився. Стосунки Наталі Дмитрівни і Ольги Дмитрівни поновилися в 1940—1941 році, коли остання планувала захист кандидатської дисертації. Як доктор історичних наук, Н.Д.Полонська-Василенко радо погодилась допомогти колезі і виступити опонентом на її захисті.⁶ Але цій справі завадила війна. В лихому 1942 році в Харкові загинула Ольга Дмитрівна, а Наталя Дмитрівна змушена була виїхати за кордон, де ще довгі роки працювала на терені української історичної науки. На еміграції вона написала чимало талановитих праць, залишила цікаві спогади про свою наукову діяльність. В них знайшлися теплі й душевні слова про Ольгу Дмитрівну Багалій-Татарінову⁷.

Подаючи вперше до публікації листи Н.Д.Полонської-Василенко до О.Д.Багалій-Татарінової, ми зберегли лексико-стилістичні та граматичні особливості мови автора згідно з правописом 1930-х років. Принагідно зазначимо, що згідно з волею Н.Д.Полонської-Василенко, О.Д.Багалій-Татарінова, як це випливає з листа №3 від 1.03.1932 року, знищила деякі послання своєї подружки, але навіть і ті, що залишилися, змальовують досить яскраву картину тогочасної наукової дійсності. Також виправлені деякі помилки.

¹ Богдашина О.М. Діяльність харківської науково-дослідної кафедри історії української культури імені академіка Д.І.Багалія (1921—1934 рр.) — Харків, 1994 — С. 48.

² Інститут рукопису Націон. бібліотеки України ім. В.І.Вернадського. Ф.Х. № 3618. Арк. 2 (далі ІЦНБ ІР)

³ Там само № 3007. Арк. 1-зв.

⁴ Там само № 2263. Арк. 1—2.

⁵ Там само № 2265. Арк.; № 3628. Арк. 4; № 3714. Арк. 1 зв.

⁶ Центр. держ. архів літератури і мистецтва України. Ф.542. Оп. 1. Спр. 106. Арк. 74.

№1

(не раніше 9 лютого 1932 р.)

Милая, дорогая Ольга Дмитриевна.

Пишу — потому что хочется что-то сказать. Голова не работает, все мысли спутаны, все остановилось... Я ушла из Академии в 2 ч., исполнив последнюю волю Дмитрия Ивановича¹ — а телеграмма видимо уже была получена, и дома меня встретил Ник./олай/ Прок./опович/² бледный, расстроенный — и передал страшную весть — Кульчицкий³ известил по телефону, что получена телеграмма. Мы весь день ходили, как прибитые из угла в угол.

У меня нет слов, чтобы выразить Вам, как велико мое горе: в лице Дмитрия Ивановича я потеряла дорогого мне, искренно любимого мне человека, в доброе чувство которого ко мне я верила и теперь я точно осиротела. В последний день моего пребывания в Киеве Дмитрий Иванович сказал мне, что в Вашей семье мы с Ник./олаем/ Прок./оповичем/ имеем самых близких друзей. Как были бы счастливы мы, если бы Вы всегда помнили, что именно таких близких друзей, всей душой разделяющих Ваше горе, вместе Вы в нашем лице.

Сегодня весь вечер звонит наш телефон — это наша осиротелая комиссия делится своим горем, и особенно остро переживаем его конечно мы с В/иктором/ Ал./сксандровичем/⁴.

Снова и снова перечитываю Ваше и Дмитрия Ивановича последнее письмо с Вашим утешительным — “идет на поправку” — 3/II. Что же случилось? Осложнение? Новое заболевание? Тон письма Дмитрия Ивановича такой бодрый, деловит, нет даже намек на возможный исход. Я страшно жалею, что не могла приехать — здоровье Ник./олая Прок./оповича/ не позволяет мне отлучаться.

Простите, родная, что я так бессвязно пишу, мне очень, очень тяжело, и просто хочется выразить Вам, как нам близко Ваше горе, и как дорог был Дмитрий Иванович. И как больно сказать “был” — и никогда больше не увидеть его.

Крепко обнимаю и целую Вас.

Ник./олай/ Прок./опович/ шлет сердечный поклон.

Всей душой Ваша Н.Полонская.

14/II/1932/

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Вчера, 13/II вернулся Александр/ Петрович⁵ и передал мне Ваш ценный подарок — спасибо сердечное Вам и Юрику⁶ за него⁸. Из всех карточек Дмитрия Ивановича, которые я знаю — это, по-моему, самая лучшая. Хотя голова опущенная — но так точно живой. Узнала от О.П. все подробности последних дней — и так ужасны они! Впечатление, что Дмитрий Иванович, который так любил лечиться, так осторожен был в отношении своего здоровья, когда надвинулась реальная опасность, не только не боролся с нею, а делал все, чтобы ухудшить положение. Вставать с кровати, при гриппе, при расширении сердца! Ведь это ужасно.

Все эти дни мы дома, да и не только дома, среди наших близких знакомых, но и при встречах в Академии гозорили и вспоминали Дмитрия Ивановича, так-что, отделенные сотнями верст, душой мы были все время с Вами, быть может больше, чем многие, бывшие физически близко... И я должна сказать, что впечатление в Академии большое, искреннее. Глубоко чувствуется утрата — и научная, и доброго, отзывчивого человека, о котором у массы людей есть память о добром слове и деле, наша комиссия и я — объекты, которым выражаются соболезнования в тяжелой утрате. Но утрата, конечно, шире комиссии: осиротел весь наш Відділ.

Много с Ник./олаем/ Пр./окоповичем/ думали о Вас, как Вам теперь будет одиноко, не чувствуя вечной заботы и любви Дмитрия Ивановича. Юрик не то, он уже почти мужчина с своими интересами, жизнью.

Крепко целую Вас, дорогая Ольга Дмитриевна, и еще раз благодарю за карточку.

Ваша Н.Полонская.

Ник./олай/ Прок./опович/ шлет привет.

Как любил тепло Дмитрий Иванович — и в какой холод совершил свой последний путь.

Как странно вышло с ВУАН: ведь поручено было представиться от президи — Фомину⁷, очевидно он не получил телеграммы.

1/III/1932 г./

Милая, дорогая Ольга Дмитриевна

Спасибо Вам за то, что Вы в такое время все же нашли возможность написать нам. Да, Вы правы, я тоже считаю большим счастьем умереть так, как умер Дмитрий Иванович: без долгих мук, не переживая себя — это глав-

ное. Это тяжелее для близких, т.к. не остается утешения "ему лучше", но безусловно лучше для того, кто умирает.

Относительно материалов комиссии нашей мне не ясно — что именно там? Я сейчас посоветовалась с Ал./ександром/ Петро./овичем/ по телефону и мы решили, что лучше всего если бы можно было выделить эти дела и отложить до его приезда, он будет в Харькове в марте на сессии. Если это копии планов і звітів, которые посылала я — это интереса не представляет, т.к. я все такие дела переписывала в трех копиях, один экземпляр подавала, одну копию посылала Дмитрию Ивановичу, а одну оставляла в комиссии. Если это заметки, писанные для комиссии самим Дмитрием Ивановичем — то этого рода материалы лучше всего было бы передать Комиссии. Относительно моих писем я бы очень просила Вас по возможности их "изъять": за все время наших дружеских отношений я слишком дружески и откровенно писала Дмитрию Ивановичу обо всем и высказывала суждения о живых еще особах... особенно последние годы.

Вы спрашиваете — что слышно в ВУАН? Ничего. Я не спрашивала никого. Ал./ександр/ П./етрович/ спрашивал — и получил такое впечатление. Первое заседание Відділу началось вступительным словом Воблого⁸, в котором он охарактеризовал деятельность Дмитрия Ивановича в Академии, очень тепло. Потом небольшой доклад о нас прочитал Ал./ександр/ Петрович — от и все. На 2/III в нашей комиссии было назначено заседание памяти Дмитрия Ивановича, с докладами Каминского — науково-громадська діяльність⁹, В.А./Романовський/ — Історик Лівоб./срежної/ та Слоб./ідської/ Укр./аїни/, и моим — Півд./енної/ України. Намечались еще два — Антиповича — історик доби феодалізму,¹⁰ и Жураковского — "Освіти та культури"¹¹ — но два последних перенесены на следующие заседания. В назначенный день заседание не состоится, т.к. назначен доклад Познанского о письме Сталина¹², и все заседания этого дня сняты. Далее была у нас мысль издать памяти Д./митрия/ Ив./ановича/ специальный сборник, и повесить у нас в комиссии его портрет. Комиссия хотела бы принять участие личным трудом в разборе и подготовке к изданию его трудов. Я еще не навела справок в Видавництві, получены ли рукописи из ДВОУ, из-за моей болезни. Но у меня есть полный экземпляр "Колонізації півд./енної/ України", в котором отсутствует только 4—5 страниц — помните, когда в ДВОУ потеряли рукопись, Дм./итрий/ Ив./анович/ прислал его мне для приведения в порядок? Если есть у Вас "Вступ" — про рушійні сили колонізації — пришлите его мне: тогда будет собрано все в одном месте.

Думаю, что задерживать збірники наши нет оснований — тем более, что там печатаются статьи Дм./итрия/ Ив./ановича/. Мы только приложим [...] в

котором укажем, почему они так запоздали и устарели.

У меня большая просьба к Вам: когда Дмитрий Иванович бывал в Киеве, я обычно брала для него /в/ работу книги в ВБУ, и также взяла и теперь, осенью, но одну из них он увез в Харьков: не можете ли Вы прислать ее мне: это маленькая брошюрка, из библиотеки б./ывшего/ К./ивского/ университета по поводу польского восстания поляков 1863 г. (шифр В 2234 И). С меня эту книжку требуют — м./ожет/ б./ыть/ при случае Вы передали б ее мне? У меня остались Ваши карточки — польских изданий о 1863 г. — что делать с ними?

Я не ответила Вам о настроении в Комиссии. Мы все искренно (не говорю, конечно, о себе) смертью потрясены и будущее пугает многих.

Крепко обнимаю и целую Вас. Ник./олай/ Прок./опович/ сердечно кланяется Вам.

Ваша Н.Полонская.

№4

(березень 1932)

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Заседание, посвященное памяти Дмитрия Ивановича, назначенное на 12/III не состоялось по болезни В.Ол. (у него было воспаление гриппозное). 22/III оно состоялось по той же программе, которую я прислала Вам. Народу было много, наша комната была полна до отказа. На этот день мы заняли в Ком./иссії/ іст./орії/ укр./аїнського/ права прекрасный портрет Дмитрия Ивановича — заказанный нами еще не готов. К сожалению, первый докладчик Каминский опоздал на час, это конечно отразилось на составе публики: в комнате было холодно и к концу его доклада многие разошлись. Читали, кроме Каминского, В.Як. и я. После заседания публичного мы обсуждали в Комиссии вопрос о чествовании памяти Дмитрия Ивановича и я хочу сообщить Вам, что было предложено:

1. присвоить комиссии имя Д.И.Багалея.
2. обратиться в Президию ВУАН с предложением принять меры к переименованию улицы, где он родился, на улицу Багалея; к помещению мемор. доски на доме, где Д.И. жил студентом, к присвоению имени его школе, где он учился.
3. принять меры к собранию находящихся в Киеве памятников — писем, портретов и т.д., не предупреждая вопроса о том, где они будут находиться в дальнейшем.
4. просить об устройстве кабинета для изучения обстоятельств жизни и научной работы Д.И.

5. издать сборник в память Д.И. Для проведения в жизнь этих пожеланий и дополнения их и разработки выбрана комиссия в составе мсня, Клименко¹⁵, Каминского и В/иктора/ Ол./ександровича/.

Первое заседание комиссии было вчера. Намечено несколько новых вопросов и вот для разрешения их я и обращаюсь за помощью к Вам. Пока что план сборника назначен такой: 1. Те доклады, которые были прочитаны и которые будут прочитаны в ближайшее время — в том числе доклад Журавковского “Д.И. як історик освіти та культури”. Каминский настаивает на спешности и важности издания такого сборника. 2. Воспоминания. 3. Статьи, рисующие деятельность Д.И. в Комиссии (моя или моя и О.П., а также в Академии). 4. Просто научные статьи, посвященные Д.И./Багалею/. Сборник мы рассчитываем на 10 лист.

Вот тут и является вопрос — к кому можно обратиться за участием в Харькове? Не посоветуете ли Вы нам? Далсе, не дадите ли Вы сами каких-либо материалов, портретов и т.д. Не укажете ли людей, к которым можно обратиться в Киеве? Называли племянницу Дмитрия Ивановича: не напишете ли Вы ее имя, отчество, фамилию, адрес — чтобы я могла лично обратиться к ней. Нет ли у нее каких-либо материалов для биографии Д.И. Не знаете ли Вы вообще людей, которые знают Д.И. в Киевс с ранних лет? Жду с нетерпением ответа. Клименко просил спросить Вас, не у Вас ли хранятся материалы Д.П.Жиллера о цехах¹⁴ — когда-то Д.И. предлагал ему издать их с предисловием: он предлагает это сделать теперь. Если они у Вас — может быть, пришлете их нам?

Потом уже мое личнос — у меня просят в ВБУ вернуть книжку, которую я взяла для Д.И. о 1863 г. группы киевских профессоров. Если она найдена — пожалуйста, пришлите ее мне, т.к. мне уже неудобно — я пропустила все сроки.

Крпко целую Вас, милая Ольга Дмитриевна. Пусто и одиноко чувствую я себя в Комиссии теперь. Подходит сессия и так боязно, что не принесет она больше Дмитрия Ивановича! Н/иколай/ П./рокопович/ кланяется Вам. Любящая Вас Н.П./олонская/-В./асиленко/.

№5

3/IV/1932 г./

Люба Ольга Дмитровна!

Листа Вашого, на адресу комісії, одержала з запізненням, деякий час його носив в кишені Ол./ександр/ Петр./ович/. Краще писати на нашу приватну адресу. Вчора було в нас засідання Комісії і ми знов обмірковували заходи для вшанування пам'яті Дмитра Івановича. По-перше, ухвалили просити

Вас увійти до складу нашої бригади, яка зараз здобула вже не тимчасове, а постійне завдання — дбати про видання збірника, скласти програму його тощо. План збірника має бути такий: 1. Вступне слово О.П./Оглоблина/ та 5 статей, які почасти були прочитані, по часті — мають бути прочитані в Комісії, а саме: В.Я.Камінський — Наукова та громадська діяльність Д.І./Багалія/, В.О.Романовський — Д.І./Багалій/ як історик Слобідської України, К.Е.Антипович — Д.І./Багалій/ — як історик Південної України. 2. Статті, які мають його роботу в різних установах: Д.І. — в університеті св. Владимира, в Комісії соц./іалън/-ек/ономічної/ історії, в ВУАН, в ВБУ, в Археограф./ічній/ Комісії, в Комісії Біограф./ічного/ словника, в Інституті Шевченка, в СНР, в Архівн./ій/ справі тощо.

Ось тепер, коли план набуває деякої певності, Вам легше допомогти нам порадою, до кого в Х./аркові/ звернутися, по аналогічній статті, які саме моменти можна висвітлити, тощо. Видавництво обіцяє видати збірник швидкими темпами.

Клименко був в архіві (його, між іншим, вчора несподівано для адміністрації перекинули в вогкий Михайловський собор, і митроп./оличий/ будинок зайняв якийсь полк). Знайшов в архіві університета багато про часи перебування Д.І./Багалія/, навіть його твори студентських років. Крім того, ми вирішили збирати все, що можна зібрати про Д.І. — як матеріал для майбутнього: спомини, листи тощо.

Що-до рукописів — ми чекаємо на них і вживемо всіх заходів, щоб відрукувати все, що можна; звичайно, з виданням зв'язано чимало труднощів — але Комісія вважає це за свій обов'язок, а з членів — головне, звичайно, я від щирого серця прикладу всі зусилля, щоб допомогти. Нам дуже приємно, що рукописи ви передаєте Комісії — це, на нашу думку, цілком природньо, що Комісія візьме на себе цю роботу. Ми подаємо до Відділу заяву, в якій зазначаємо всі заходи, які намічає комісія в справі вшанування пам'яті Д.І./Багалія/, і в том числі — і те, що вона бере на себе видання його останніх творів. Ми організуємо спеціальну бригаду, якій буде доручено реалізувати цю ухвалу.

Тепер моя особиста просьба до Вас: я маю підготувати статтю про Д.І./Багалія/ як історика Південної України — а між тим в Києві немає двох його статей: "По поводу юбилея Еккеринослава" (Харьк./овские/ губ./ернские/ Ведомости, 1887, № 11) та "К юбилею Николаева" — тамож, 1890, № не зазначено. Якщо вони є у Д.І./Багалія/, надішліть їх мені на короткий термін — бо тут їх не можна знайти, а без них теж не можна обійтися, бо взагалі праця з історії Півд./енної/ України мало у Д.І./Багалія/.

А в мене персонально трапилася велика неприємність, якої, звичайно, за

Д.І. не могло бути: мені, з невідомих причин, зменшили платню на 70 крб. на місяць — не кажучи вже про те, що дорожничка така, що не вистачає й повної платні, тут є щось образливе: чому саме мені — не всім — за чім, не ясно, розпорядженням мене поставлено нижче за співробітників II кат./єгорії (вони одержують 200 крб. — а я — 180). Питаю, клопочусь — і так все це противно. Відповідь — треба було когось урізати... Відповідаю, що я не маю сполучення, пращою виключно в ВУАН. Якщо й поновлять — це буде зроблено не через Відділ, і почуття образи, а разом з тим того, що мене не вважають за корисного члена — звичайно залишиться надалі: автор цього ясно хто — той, кому Ви просили передати й телефона в Х./аркові/. Все це робить те, що на працю в ВУАН я починаю дивитися, як на щось випадкове, тимчасове. І це дуже і дуже больно.

Крепко целую Вас.

Ваша Н.Пол./онская/.

№ 6

(квітень 1932)

Милая Ольга Дмитриевна!

Ваше молчание очень тревожит меня: не заболели ли Вы от всех волнений и переутомления? Я обращаюсь сейчас к Вам с большой просьбой: Ник./олаю/ Прок./оповичу/ назначили пенсию, но вышло недоразумение, и деньги, следующие за первые три месяца, касса возвратила в Харьков, т.к. мы не получили извещения и не пришли получить их. Все письма об этом в НКСО остались без ответа. Ник./олай/ Прок./опович/ решил просить К.А.Красуского¹⁵ лично узнать в чем дело — но мы не знаем его адреса. И вот я вкладываю в письмо Вам конверт с письмом на имя К.А. с просьбой — надписать адрес и опустить в почтовый ящик. Буду очень благодарна Вам.

Получили ли Вы 2 мои письма от Комісії — по поводу наших шагов для увековечения памяти Дмитрия Ивановича? Мы подали в Президию Відділу с просьбой поддержать наше ходатайство об исполнении всего того, о чем я писала Вам. Наша бригада составила план Сборника — и тоже на днях передадим его на ухвалу Відділу. Заказали портрет Дмитрия Ивановича для Комиссии — увеличеним с той карточки, которую Вы прислали мне. Такая же будет помещаться в журнале цикла. А там если будет соответствующая ухвала — будем уже проводить в жизнь наш план.

Ждем Ваших указаний.

Крепко целую Вас, Ник./олай/ Прок./опович/ шлет сердечный привет. Мой поклон Наталии Дмитриевне и Юрику.

Любящая Вас Н.Полонская.

16/IV/1932 з./

Люба Ольга Дмитровна.

Два дні тому одержала Вашого рекомендованого листа, вчора — листівка (між іншим наша адреса — Тарасівська 20, ком.5 (а не 4)). Дякую за них. Але дещо в нас викликає сумнів: по-перше, я не пам'ятаю, в якому порядку писала я про заходи Комісії в справі вшанування пам'яті Дмитра Івановича, і що саме припало на “§3”??? Це — або меморіальна дошка на будинку на Театральній (тоді — чому ні?) або заснування кабінета для вивчення творчості Дмитра Івановича (знов таки — чому ні???). Дуже прошу Вас відповісти на ці неясні запитання. Рукописів ми ще не одержали, і знов таки нам не ясно — чому Ви надсилаєте лише ці дві праці, а не ті, які було прочитано в Комісії на останніх засіданнях за участю Дмитра Івановича? Я сподіваюся, що ті праці, які написані самим Дмитром Івановичем, було б легше і швидше видати. Во всякому разі — монографії.

За Вашу пропозицію дякуємо і вважаємо, що це чудесна тема. А може, Ви дали б ще невеличкий опис самого архіву Дмитра Івановича — це було б дуже цікаво. Ми поки що не розпочали як слід збирати матеріали, але сподіваюся, що справа почнеться цими днями: завтра в нас засідання — буде затверджено план збірника в Комісії і можна буде реально розпочати роботу.

Ви пишете про перевтому: це ясно видно з Ваших листів. Та й дивно було б, коли б Ви не почули її після такого року та такої втрати. Куди Ви поїдете на відпочинок? Може, до Преображення?¹⁶ Ми цього року мабуть теж обмежимося їм: неймовірна дорожнеча, повний брак коштів, більшу частину дачних будинків колективізовано тощо. Мені зменшили платню з 250 до 180 на місяць — все обіцяють поновити — але третій місяць вже минає і ніяких змін: цікаво, що не можу допитати, які підстави?????

Крепко цілую Вас. Ник./олай/ Прок./опович/ шлет привет.

25/VIII/1932 з./

Київ. Тарасовская 20, 5.

Милая Ольга Дмитрисвна.

Получила вашу открытку, персланную из Кисва — мы доживаем второй месяц в “Преображенном” — ...Мне очень жаль Вас. Я сама болела эндокардитом, пролежала с ним 8 месяцев: главное — будьте осторожны и не спешите встать: это завет покойного крах — Яновского¹⁷. Почему у Вас эндокардит? Сам по себе, или как осложнение другой болезни? Какая температура? Кто ухаживает за Вами? Напишите открытку на Киев — мы будем числа 30 или 31/VIII.

Вы спрашиваете про Академию: мы тут ничего не знаем: говорят, что часть II Відділу или весь переводится в Харьков. Говорят, что большая часть Академии будет переведена на пенсию и/из/ состава II Відділу остается не больше 30%... Что будет с нами — и в частности со мной — не знаю. Думается все скверное и страшное. Писала отсюда — О.П./Оглоблин/ не ответил. Он пока в городе и знает больше других. Что будет с рукописями Д.И./Багалея/ — не знаю. Нет импульса к работе, нет сил работать, не зная, что ждет. В ВШ уволено 35 человек. Получила на днях учетное письмо от ВАК¹⁸.

Когда узнаю что-либо — напишу, а пока крепко целую. Н.П. шлет привет.
Ваша Н.П./олонская/ -В./асиленко/

№ 9

30/X/ 1932/.

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Адрес Н.З.¹⁹ узнала вчера, но не от Аг.Еф.²⁰, которой еще не приехал, а от жены одного из его товарищей: Станция Медвежья гора. Бел-Балтлаг. /Беломоро-Балтийский лагерь/. 5 сводная рота.

Могу сообщить и другую новость, для меня очень приятную: я на днях получила письмо от Ал./ександра/ Петр./овича/, в котором он дал разрешение выпустить II том "Праць" — харьковский, и я специально реализовала его. Первый том выйдет на этих днях. Но представьте себе — портрет Дмитрия Ивановича, заказанный комиссией в марте в лаборатории Академии, еще не готов. Это называется "темпы".

У нас все по старому — работаю по-немного — то-есть работаю я "много", но результатов не много, здоровье Ник./олая/ Прок./оповича/ то хуже, то лучше. Только что переболел чем-то не ясным, но мучительным — не то какое-то осложнение основной болезни. Оба мы шлем Вам наш самый сердечный привет. А как в Киев Вас не приведет судьба в этом году?

Ваша Н.Полонская.

№ 10

7/I/ 1933 г./

Милая Ольга Дмитриевна.

Сегодня получила от Вас две книги "Архіва Рад./янської/ України", но не получила сопроводительного пояснения: жду письма. Если один из них наш — очень благодарим Вас за память. Прочитали уж оба, Ник./олай/ Прокопович и я, значительную часть Самокритичного огляду праць Дмитра Івановича, о котором он много рассказывал нам, будучи у нас последний раз и так много вспомнилось. Такой портрет Вы прислали мне, и я даже увеличить

его для Комиссии [...] — вышло очень хорошо, но к сожалению все еще он не перенесен в Комиссию, т.к. не готова рамка — это тянется — не удивляйтесь — это темпы нашей работы в ВУАН — с марта месяца.

Мне говорил Ал./ександр/ Петр./ович/, что Вы уже давно получили книжку нашу и довольны ею — я очень этому рада. Я положила много трудов на нее, много нервов и все же она не удовлетворяет меня: она печаталась в ужасной типографии, где много раз теряли оригинал, теряли набранное и набирали снова, спорили за каждую корректуру — и наконец, когда я потребовала еще корректуру статьи Д.И./Багалея/, как последней — решительно отказались дать ее. Теперь ждем оттисков. Тут новая драма: не могу добиться, чтобы оттиски сделали в обложках. Горе в том, что во главе Издавництва стоит человек, абсолютно неавторитетный в нем, ничего не понимающей в деле и попавший туда только потому, что, сняв его с другой должности, нашли нужным дать ему компенсацию. Так он видимо и сам смотрит на дело: трудно передать и еще труднее поверить тому, что делается там.

Как Вы поживаете? Из слов Ал./ександра/ Петр./овича/ знаю, что материально не блестяще, но научно очень продуктивно. Буду так рада получить весточку от Вас. Недавно мы на заседании Комиссии официально затвердили Вас, то Вы вернулись к нам — и выразили горячую радость по поводу этого. Комиссия наша в этом году почему-то работает вяло — было только одно заседание 2/1 с первой половиной доклада И.И. Кравченко²¹; почему-то Ал./ександр/ Петр./ович/ не хотел созывать раньше. Мешают и объективные причины — особенно отсутствие электричества по вечерам: у нас дома его не бывает постоянно, и нас спасают старые керосиновые лампы, но что это стоит... Не бывает света иногда и в Академии. Я в этом году работаю, как давно не работала, главным образом потому, что Ник./олай/ Прок./опович/ сейчас чувствует себя лучше и после трехлетнего перерыва снова начал научно работать. И спит хорошо, значит — сплю и я.

Крепко целую Вас, Ник./олай/ Прок./опович/ шлет сердечный привет.
Душою ваша Н.Полонская.

№ 11

24/II-33

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Давно уже получила Ваше милое письмо, которое тронуло меня тем, что Вы вспомнили и меня 9/II, и порадовало тем, что дало надежду скоро увидеть Вас. Нечего говорить о том, сколько раз вспомнила я Дмитрия Ивановича и Вас в те дни... Помянули мы его и официально, подогнав заседание комиссии к этому дню. Об этом, вероятно, уже пи-

сал Ол./ександр/ Петр./ович/. Не писала я по двум причинам: я хотела написать Вам что-нибудь конкретное и хорошее, но этого до сих пор выполнить не могу. Одежло Ваше цело, оно прибрано у Януковой, и я его возьму домой, не взяла — т.к. мешали “об’ективные” причины — то иду домой не прямо, то несу уйму книг. Хотела написать о Прохоровке — но еще не узнала — нет тех людей, которые могут сказать. Как увижу — узнаю. Обидно мне, что до сих пор наше издательство не приготовило оттисков Дмитрия Ивановича — разрешено сделать на них обложки — и это так задержало дело. Как только будут готовы — вышлют их Вам. Разрешите взять по одному оттиску Вашему и Дмитрия Ивановича — мы берем их у всех авторов.

Другая причина, которая задержала мое писание Вам, та, что целые дни, не отрываясь, сижу над “Історією колонізації Слоб./ідської/ України”: тут оказалось очень много дела незаметного, но марудного — проверка...

№ 12

8/III /1933 г./

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Навела я справки в Издавництві и результат их очень неблагоприятный: рукописи Дмитрия Ивановича не получены; их искали везде, где только они могли быть, и нет нигде.

Из разговора с Директором Издавництва С.М.Иваницким-Василенко²², я узнала следующее: оказывается, тот план передачи всех рукописей по истории, которые были в “Пролетарии”, о котором осенью говорил мне Дмитрий Иванович как о деле решенном, не осуществлен, и план включить ВУАН в издавничу роботу большого масштаба отменен. В таком случае ясно, что рукописи Дмитрия Ивановича, которые должны были быть переданы в общем порядке, до ВУАН не доехали. Вопрос только в том, где они остались? И мне представляется необходимым сейчас же, если у Вас еще осталось немного сил (про энергию я не говорю) начать поиски их. Они могут быть или в б./ывшем/ Пролетаре, или, что хуже, у рецензентов. ВУАН не может принять участие в поисках, пока не получит от Вас извещения (можно через меня) о том, высланы ли рукописи, кем и какого числа и месяца. Тогда и Издавництво может принять участие в поисках. Я очень боюсь, что в общем потоке рукописей, оставшихся за бортом вследствие общей реформы, могли потонуть работы Дмитрия Ивановича. “Заселення Півд./енної/ України” можно восстановить по тому черновику, кот./орый/ я получила от Дмитрия Ивановича, там не хватает нескольких страниц, и нет его вводной статьи о “Рушійних силах”, но со Слобожанщиною может стоять дело хуже. А где тот

сотрудник, который помогал Дмитрию Ивановичу?

Иваницкий-Василенко очень заинтересован получить эти рукописи и, очевидно, ускорил бы дело с печатанием их. В плане на 1932 г. Дмитрий Иванович поставил переработку и издание Слоб./одской/ Украины, на 1933 — Південної України. Я говорила С.М., что наша Комиссия хотела бы принять участие в издании их, и он нашел это вполне законным. Во всяком случае, на помощь мою Вы должны рассчитывать во всем, в чем она могла бы оказаться полезной. Жду с нетерпением Вашего ответа о судьбе рукописей.

Я замедлила с ответом, т.к. была больна, а О.П. передал это дело мне. Относительно работ Дмитрия Ивановича, я не помню, писала ли Вам, что в Комісії есть только "Нариси" і то, что издавала Академия.

Когда будете писать — напишите, можно ли изъять мои письма, как слишком личные и касающиеся живых людей.

Крепко целую Вас, душою предана Вам Н.Полонская.

Н.П. сердечно кланяется.

№ 13

8/V/1933/

Милая Ольга Дмитриевна.

Как видите, дело с изданием сочинений Дмитрия Ивановича понемногу движется. Посылаю Вам наш план. На днях, кажется, завтра, стоит вопрос об этом плане на заседании цикла. Тогда напишу подробнее. Как поживаете? Куда поедете летом? Когда приедете (и приедете ли) в Киев? У меня к Вам большая просьба: помните, в прошлом году я надоедала Вам относительно брошурки, которую Дмитрий Иванович увез с собою из Кисва — о восстании 1863 г. Тогда Институт просил переписать ее на себя, ее вычеркнули из моего абонента, и переписали на его счет. На днях он вернул несколько книг в ВБУ — а относительно этой заявил, что в глаза ее не видел, и что она, вероятно, находится на квартире "у дочери академика Багалия, которая сейчас в отпуску". Таким образом, тень наводится на Вас. Библиотека просила меня помочь распутать это дело. Я думаю, что ее взял кто-нибудь из работающих над этим вопросом — без записи. Простите, что я беспокою Вас, но дело все же неприятно и хотелось бы его ликвидировать.

У нас огорчение. Ник./олай/ Прок./опович/ чувствовал себя отлично всю зиму — а сейчас болсет гриппом, он его обессиливает, лишает возможности гулять и грозит в будущем осложнениями в области нервной системы. Я так волнуюсь за него.

Слышала, что Наталия Дмитриевна пересехала в Харьков²³. А как же Александр Михайлович?²⁴

Крепко целую вас, привет Нат./алье/ Дм./итровнс/ и Юрику.
Ваша Н.Полонская-Василенко.

№ 14

8/VI/1933 г./

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Мы перешли в стадию культуры, когда обмениваться письмами можно только "с оказией" — процент недоставаемых писем все увеличивается. Где лежит причина — не знаю, в листоношах, в транспорте, в форме приема на почтах. Я писала Вам длинное обстоятельное письмо, получив от В.А./Романовского?/ (какое счастье, что Вы передали рукописи через него) в полной исправности рукописи. Тогда же я писала вам о моем впечатлении свежем и остром от рецензии на полудневу Україну. С тех пор я не писала, т.к. пожинала "ухвалы" Президії на издание — и эта ухвала последовала только вчера. Перед тем было частное собеседование Ол./ександра/ Петр./овича/ с секретарями и там было решено, что рукописи Комиссия издает сама, и сама выделяет редакторов. У нас намечено так: Ол./ександр/ Петр./ович/ историографию, я — Полудн./евої/ Укр./аїни/, относительно Слобожанщины и феодализма еще не решено. Вчера и третьего дня (впервые с марта) заседала президия, но Шлихтер²⁵ приехал видимо больной и массы вопросов было не решено. Получило санкцию наше заявление об издании "збірника на пошану" — "без возражений" — но без ухвали нельзя было говорить о нем громко и собирать материалы. Теперь будет мешать летний перерыв. Зато наше заявление о переименовании улиц, комиссии и т.д. не было совсем прочитано, я спросила почему — секретарь пояснил желанием Шлихтера поскорее закончить заседание. И больше уже не будет до конца сессии. Все идет у нас медленно и вяло: до сих пор еще не выпустили "праць", месяц не дают — вырой корректуры статьи Дм./итрия/ Ив./ановича/, которая кончат выпуск. До сих пор, третий месяц, не готов заказанный для Комиссии портрет... опускаются руки.

У нас все по-старому — то хуже, то лучше. На лето едем в Преображение — на июль. Вот если бы Вы приехали — хорошо было бы. Боюсь, что Н.П./Василенко/ не будет там спокойно. У меня все по-старому; нужно искать какую-то новую службу — дополнительную, т.к. мне без всяких оснований уменьшили жалование. Ол./ександр/ Мих./айлович/²⁶ признает, что несправедливо, но все остается, как есть...

Крепко целую Вас, Ник./олай/ Прок./опович/ кланяется Вам. Как с домом?

Ваша Н.Пол./онская/-Василенко.

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Как ваше здоровье? Ваше молчание тревожит меня. Я знаю эту противную болезнь. Черкните пару строчек на открытке, как чувствуете себя? В.Ф. Левицкий²⁷, с которым мы были в Преображении, высказывал предположение, что Вы перекупались в Коктебеле — это вполне возможно.

Вот уж две недели, как мы в Кисве, но я еще не вошла в настоящую ночную жизнь Академии. Все неопределенно, все в стадии перехода от старого, известного к новому хорошему, но пока неясному. Ломка идет по всем линиям и все выбиты из колеи. Например такой факт: библиотеку II Відд./ілу/ в 54 номере, куда-то переводят, куда — еще не ясно, а на ее месте будет столовая. Но, говорят, столовая будет немедленно, а место для библиотеки еще не найдено и говорят, что некоторое время книги полежат где-то связанные в пачках... Сейчас узнала, что переносят на ул. Чудновского.

Комиссии фактически не существует. Вместо того на нашем цикле (каждый цикл проводит реформу отдельно) введены бригады: истории раб./очего/ класса и промышленности — бригадир Оглоблин, историографии — он же, истории Сталинщины — бригадир Грищенко²⁸, рев./олюционного/ движения — Кокошко²⁹, колониальной политики России — Баранович³⁰, истории Востока и Запада — Погребинский³¹ и Штепа³². Все наши темы распланы по этим бригадам, но ассигнования остались еще закрепленными за Комиссиями. Говорят, что с 1/І 1934 г. вся Академия будет превращена в ряд институтов, по числу циклов — то есть Историко—археографический, ист./ории/ материальной культуры, экономического, реконструкции с./ельського/ господарства, языкознания и литератур./ного/ шевченкознания, еврейской и польской культур — всего 8. Куда будут отнесены юридические комиссии — неясно. Сейчас в спешном порядке идет пересмотр ненапечатанной “продукции”. Вообще с печатанием задержка и все сборники нашей Комиссии мирно покоятся на полках нашего шкафа. Все, что я знаю о новой конструкции ВУАН и как видите — знаю мало. Наиболее реформа коснулась II Відд./ілу/, и особенно — исторического цикла.

Ал./ександр/ Петр./ович/ сейчас на Кавказе, и вообще в Академии пусто. Крепко целую Вас и жду вестей. Николай Прокофьевич чувствует себя бодро, после ужасного лета, и сердечно кланяется Вам. А где Юрик и что с ним? Ведь он уже кончил техникум?

Я не сказала, что и сданные два тома трудов Д.И. ждут решения в “общей массе” — “История колонизации” и “Историография” — остальных мы еще не сдавали.

Искренне преданная Н.Полонская-Василенко.

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Была очень рада получить Ваше письмо, хотя оно такое грустное. Утрата близкого человека — знаю по собственному опыту — всегда глубже и больнее, когда уляжется первое быстрое переживание. Так мучительно болезненно переживала я потерю моих родителей, осознав тяжесть одиночества тоже не сразу³³. У Вас все же есть Юрик, который растет, мужаст и будет Вам советником и другом. А я ведь осталась совершенно одна. В разговорах о Вас Дмитрия Ивановича всегда чувствовалась не только любовь отца или гордость, но и истинно дружеское чувство сотоварища по работе. Мне очень приятно, что Вы заговорили сами об издании работ Дмитрия Ивановича. Мне кажется, что Вы имеете все права и юридические и моральные поставить известные условия при издании: я совершенно согласна с Вами, что их нужно издать, возможно скорее и без изменений. Комиссия поручила мне подготовить издание Слободской Украины. Дмитрий Иванович много говорил об участии в редактировании книги Викт/ора/ Алекс./андровича/ /Романовского/. Поэтому я очень осторожно подошла к делу, думая об участии его подобно участию моему в редактировании “Полудневой Украины”, тем более, что Д.Ив. в предисловии много уделил ему приятных слов. Я взяла два издания — первое и рукопись второго, я сверила строка за строкой текст и увидела, что ничего не занесено чужой рукой, и изменения ограничились сокращениями первоначального текста. Все замечания рецензента /Редина/³⁴ уже использованы, и большего, по-моему, делать не следует и нельзя.

“Нариси з історіографії” я не читала, их взял О.П. и собирается делать большие примечания. “Нариси з історії доби феудалізму” — тоже у него и кажется, что там действительно нужно будет делать примечания. “Залюднення Полудневої України” находится в худшем положении. По требованию Дмитрия Ивановича я сделала большие добавления — приблизительно половину текста, доведя главы до XIX стол. Издавать без /первоначального текста/ Дмитрия Ивановича эту работу, с такой большой долей чужих добавлений (они, между прочим, не вызвали суровой критики анонимного рецензента) — все его стрелы — я проверяла слово за словом — были направлены только в Д.Ив., даже в тех случаях, когда он к моей вставке добавлял фразу — рецензент обрушивался не на вставку, а на эту фразу — мне кажется неудобным. Добавления мои устарели за 5 года, которые прошли с момента вручения их Дм./итрием/ Ив./ановичем/ и их — если решить печатать с ними — нужно основательно переделать. Стоит ли??? С другой стороны печатать “Историю” по тексту Д.Ив. сейчас, мне кажется, нельзя: она

уже устарела, устарела гораздо больше, чем "Слободская" Украина. Вот я и стою на раздорожьи и не знаю, что делать. Я бы очень хотела знать Ваше мнение.

Больной для меня вопрос — издание сборника статей харьковских сотрудников Комиссии. От О.П. Вы уже знаете все обстоятельства дела, не знаю только, достаточно ли подробно осветил он их. Вы конечно знаете о письмах Назарця⁵⁴, я советовала О.П. не придавать им большого значения, но первое письмо страшно взволновало и напугало его. Сначала он решил сборник этот не печатать. Под моим давлением дело приняло несколько иной оборот: было поручено 2 рецензентам дать отзывы — Юркевичу, как специалисту по Слоб./одской/ Укр./аине/, и Грищенко, как партийному марксисту. Оба дали отзыв неблестящий, но оба подчеркнули, что ничего "шкідливого" нет, а статью самого Дм. Иван. "Бунт в Харьковском университете" необходимо выпустить и как можно скорее. Но Ал. Петр. все же боится ответственности, и до сих пор я не знаю — выпустит он сборник или нет. Он уехал из Киева, не сказав мне, и передал через жену, что напишет из Харькова — и письма я не получила. Мне это очень больно. Больно потому, что — хорош или плох — сборник этот последний, составленный Дм./итрием/ Ив./ановичем/ и, по-моему, мы оказываем плохую услугу его памяти, снимая его. Не знаю, передал ли он Вам во всех подробностях, которые Вы должны знать по моему мнению.

Поручение Ваше я выполнила только вчера, т.к. нет аппарата медлительнее нашей бухгалтерии. Оказалось, что эти облигации Дмитрий Иванович получил сам во время сессии — мне показали его расписку и таких № там не было. Есть оплаченные облигации последнего займа "вирішального року" — напишите доверенность мне на получение их или заявлєние в канцелярию, чтобы их переслали ценным пакетом: это даже лучше, вернес.

Ник./олай/ Прок./оповичу/ очень хорошо после Преображения, он много ходил, читал, работал. Теперь ему снова плохо, не спит ночи, опухли ноги как чербаны и ничего не может поделывать с ними.

Оба шлем вам и Юрику наш привет. Юрик — подумужчина для нас — Пятигорск...

Ваша всей душой Н.Полон./ская/ Вас/иленко/.

№ 17

15/IX /1940.

Милая Ольга Дмитриевна.

Получила Ваше письмо в Каневе, получила и в Киеве. Мне совестно право за Ваше "приложєнис" — спасибо, но зачем такая роскошь? Мне очень

жаль, что Вы были эти дни без нас, мы так хорошо провели бы их вместе. Ал./ександра/ Мих./айловича/ вы прямо таки очаровали. Я боюсь, что тут Вам было не очень удобно — недаром Вы так скептически относитесь к моей “субрестке”. А чем она поколебала в Вас веру в “прочность” опоры? Напишите мне. Юлик мне говорил, что она мало заботилась о Вас, вопреки моей инструкции и даже не подавала Вам самовара, как я предписала ей. Царапал Вас и мой Кис-Кис, так говорил мне Ал./ександр/ Петр./ович/.

Он говорил мне, что собирается поставить вопрос о привлечении Вас к работе в Ин-т¹⁶, но не знаю, что он уже сделал в этом отношении.

Время мы провели отлично в Каневе, но при приезде посыпался ряд неприятностей. Главная та, что Ал./ександр/ Мих./айлович/ привез грипп, и лежит. Я чувствую себя снова очень плохо, хуже, чем до объезда. И ко всему присоединилась какая-то гнетущая тоска. Была сегодня у врача, говорит, что никаких достижений нет. А год предстоит тяжелый. С Москвою тоже “тихо”, до сих пор не назначают время диспута.

Уехал позавчера наш Юдик¹⁷. Он очень хороший, но страшно нервный и балованный. Теперь мы скучаем без него. Я очень просила его зайти к Вам. Он в Харькове совершенно одинок, с отъездом отца он погряз в свою семейную жизнь, а мнение мое о ней вы знаете. Вы ему очень понравились, и я была бы счастлива, если бы он поддерживал связь с Вами. Он опустил без общества культурных, интеллигентных людей. Он обещал нам быть у Вас, но мы боимся, что не решится. Он ведь очень застенчив.

Крепко целую Вас, всего, всего доброго. Ал./ександр/ Михайлович передает Вам самый горячий привет и всякого рода комплименты. Я так рада, что Вы понравились друг другу. Ал./ександр/ Мих./айлович/ очень хороший человек.

Привет Юрику? Как же Верочка? будет жить с Вами?

Искренно Ваша Н.Полонская.

№ 18

15/XI/1940.

Тарасовская, 20, кв.5

Дорогая Ольга Дмитриевна.

Бесконечно виновата перед Вами в том, что до сих пор не собралась написать вам и ответить на Ваше письмо, такое милос письмо. Причин было много, или не было совсем. Сначала я готовилась к защите, потом ездила в Москву, потом спешно отделявала статью для Москвы, и тут подвернулась сессия. И я только сегодня освободилась от сессии и от статьи и спешу написать Вам.

Защита прошла более чем удачно³⁸. Оппонентами были Пичета³⁹, Бабиц⁴⁰ и Ал./ександр/ Петр./ович/. Все отзывы были великолепны и присудили мне степень единогласно. Посехала я в Москву с гриппом, боялась разболеться, но все обошлось благополучно, даже повидала старых знакомых и побывала в музеях.

В Киеве все это время меня еще “поздравляют” — особенно во время сессии. Я даже не ожидала, чтобы это событие так расцвевалось в Киеве. У нас был маленький вечерок для моего сектора, все обошлось очень мило. Был и Агаф./ангел/ Ефим./ович/. В Москве я получила два предложения прислать статьи — для “Историка-Мар/ксист/а и “Историч./еских/ Записок” — туда я отослала сегодня — обе по диссертации. Получила предложение прочитать спецкурс в Ун/иверситете/ тоже по диссертации и уже читаю. Словом, все хорошо.

Сейчас, окончив это дело, сажусь за каторжную работу — за “Нарис історії України XVIII стол.” — 1725—1796 рр. Это очень трудно, особенно потому, что туда входят Галичина и Буковина.

Как поживаете Вы? Как Ваше здоровье? Находите ли Вы возможным работать над диссертацией? Так обидно, что Вы теряете время и убиваете себя.

Большое спасибо Вам за нашего Юлика, но боюсь, что это дело безнадежно. К его прямо-таки ненормальной застенчивости примешивается вредное влияние его жены, женщины не глупой, но глубоко пропитанной провинциальным мещанством. Она ревниво охраняет его от всяких влияний извне и, наверное, приняла меры, чтоб оградить от Вас. Так мы думаем. Он в Киеве очень тепло отзывался о Вас и обещал пойти к Вам. Ал./ександр Мих./айлович, который сразу оценил и полюбил Вас, писал ему несколько раз, чтобы он пошел к Вам, писал, что считает большим счастьем для Юлика Ваше внимание к нему, возможность включить Вас в число знакомых, но как видите — результатов не видно. Вам очень кланялся Пичета, и Вам, и Юрику, который очень понравился ему. С нашим Юликом я считаю дело очень грустным. Он не бывает нигде, более выдающихся он стесняется. С менее развитыми ему естественно скучно. А его жена, мне кажется, боится, что кто-то окажется умнее ее... О том, как она разбирается в людях, свидетельствует такой факт: когда они в первый раз приехали в Киев, то она подпала под влияние — не смейтесь, да, нашей Матрены и которая конечно обрадовалась и бог знает чего наплела про меня. И эта чуткая женщина не разобралась в нас — и настроила соответствующим образом Юлика. А зимою, когда она приезжала сюда, я сама слышала, как она советовала Юлику из нас двоих — те есть Матрены и меня, ориентироваться... на Матрену. Бывает.

Если бы наш дикобраз пришел к Вам, мы были бы очень рады.

Ну, а как же Ваши смейные дела? Как Юрикова жена? Как бы она не попала там еще на чуму?

Получили ли Вы деньги от Белецкого?⁴² Он сейчас в Киеве. Сегодня делает доклад на сессии — и я первый раз слушала его. Мне не очнь понравил-ся. Как у вас дела с пенсией? Богомолец⁴³ в отпуску, вернется во второй поло-вине ноября. Может, обратитесь к нему? Если я могу быть передаточной инстанцией — пишите мне. Очевидно, речь может идти только о Вас, а не об обеих дочерях. Вы все же побывайте у адвоката (хотя у нас есть собствен-ный, Ал./ександр/ Мих./айлович).

Не забывайте же меня, крепко целую Вас. Ал./ександр/ Мих./айлович/ сердечно кланяется Вам.

Ваша Н.Полон/ская/-Вас/иленко/

Было ли у Вас землетрясение? У нас было очнь сильно, мы проснулись от треска и сотрясения: кровать подбрасывало что-то сверху.

№ 19

6/IV/ 19/-41

Вы, милая Ольга Дмитриевна, имеее все права и основания стать очнь дурного мнения обо мне: я так долго не отвечала Вам. Но я была все время невсоятно загружена работой и только через несколько дней вздохну воль-нее. Я очнь, очнь рада, что Вы возвращаетесь к науке и думаете защищать диссертацию. Если Вам разрешат защищать ее без сдачи “минимума”, немед-ленно приступайте к ней. Что именно Вы думаете защищать? Мы с Ал./ексан-дром/ Петр./овичем/ оба просим Вас произвести эту операцию в Киеве: спи-шите со мною и мы тогда обсудим, где лучше это сделать — в Институте или Университете. В обоих местах оппонентами будем оба мы. Я ведь читаю в Университете⁴⁴ и 14 выступаю оппонентом в защите диссертации⁴⁵. Приезд в Киев для Вас будет сопряжен только с железнодорожными расходами: оста-новитесь Вы у нас, конечно. А мы будем очнь рады видеть Вас. Хорошо? Хорошо было бы пропустить защиту до каникул [...].

Я не поняла Вл./адимира/ Ив./ановича/ Пичету: показалось мне, что Вы были в Москве и посетили его? Или он с кем-то говорил о Вас и Вашей диссертации? Его почерк такой, что можна иногда прочесть что-то, совер-шенно нсожиданное для него самого. Говорила я недавно с нашим зав.сек-тором феодализма⁴⁶. Он задал вопрос, почему бы не издать что-либо из тру-дов Дмитрия Ивановича, предполагавшихся к изданию тогда? Подумайте об этом и напишите мне.

А как с Вашей работой для Ин-та Литературы: стоворились ли Вы с Бе-лецким и получили ли деньги?

У мене велика радість: буде друкуватися велика робота, за яку я отримала докторський ступінь. Частина рукопису вже в видавництві, решту віддам на цю неділю, ось тому-то я була так жахливо зайнята. Загалом зараз працювати можна і варто, місць для друку багато. У нас видаються "Записки", в Університеті теж, в Києві вийде журнал "Радянська Україна", словом, було б час і матеріали. Імійте все це на увазі. Можливо, пропустите якусь статтю? Це було б дуже добре, нагадає про себе перед захистом. Подумайте і про друкування творів Д./Митрія/ Ів./ановича/. Я думаю, що краще всього було б дати в першу чергу "Заселення Слобідської України", яку редагувала я. "Південну Україну", по-моєму, краще не дати. Я все час говорила Дм./Митрію/ Ів./ановичу/, що не варто її переписувати: вона втратила свій загальнодоступний характер і цілісність композиції.

Крепко цілую Вас, Ал./ександр/ Мих./айлович/ сердечно кланяється. Ми часто згадуємо Вас. А наші бірюки так і не були у Вас?

Ваша Н.Полон./ская/-Вас./иленко/.

Коментарі

¹ Багалій Дмитро Іванович (1857—1932) — український історик, академік ВУАН (1918), завідуючий Харківською науково-дослідною кафедрою історії української культури (1921—1930), а після її реорганізації в інститут — директор Харківського н-д інституту історії української культури (1930—1931), голова Комісії для вивчення соціально-економічної історії України XVIII—XIX ст. в зв'язку з історією революційної боротьби (КВСЕІУ).

² Василенко Микола Прокопович (1866—1935) — український історик права, академік ВУАН (1920), другий чоловік Н.Д.Полонської-Василенко.

³ Кульчицький В. — співробітник Демографічного інституту, секретар управи ВУАН.

⁴ Романовський Віктор Олександрович (1890—1971) — історик і архівіст, директор Київського архіву стародавніх актів (1921—1931).

⁵ Оглоблін (Оглоблин) Олександр Петрович (1899—1992) — відомий український історик, керуючий КВСЕІУ.

⁶ Багалій Юрій Володимирович (1915—1976) — син О.Д.Багалій-Татариніної.

⁷ Фомін Олександр Васильович (1869—1935) — український ботанік, академік ВУАН (1921).

⁸ Воблій Костянтин Григорович (1876—1947) — український економіст, статистик, географ, академік ВУАН (1918), в 1928—1934 р. віце-президент ВУАН.

⁹ Камінський Василь Якович (1899— після 1941) — історик, позаштатний співробітник КВСЕІУ; в 1929—1932 — директор Київського обласного історичного архіву.

¹⁰ Ангіпович Кость Єрофійович (1899 — після 1934) — історик, позаштатний співробітник КВСЕУ.

¹¹ Жураковський (Жураківський) Геннадій Євгенович (1894—1955) — історик і педагог, позаштатний співробітник КВСЕУ.

¹² Йдеться про лист Й.В.Сталіна до редакції журналу "Пролетарская революция" (1931, № 6) "О некоторых вопросах истории большевизма", де вождь більшовиків виклав своє бачення історії ВКП/б/.

¹³ Клименко Пилип Васильович (1880—1955) — професор Київського ІНО, дійсний член Науково-дослідної кафедри історії України у Києві.

¹⁴ Міллер Дмитро Петрович (1862—1913) — український історик, досліджував історію Слобідської та Лівобережної України.

¹⁵ Красуський Костянтин Адамович (1867—1937) — хімік, член-кореспондент АН СРСР (1933), член-кореспондент ВУАН (1926).

¹⁶ "Преображение" — санаторій-профілакторій для наукових працівників під Києвом.

¹⁷ Яновський Феофіл Гаврилович (1868—1928) — терапевт, академік ВУАН. Друг сім'ї Василенків.

¹⁸ ВІП — вища п'юкола. Мається на увазі Київський художній інститут, де деякий час, працювала Н.Д.Полонська-Василенко, але була звільнена в 1932 році за постановою Випщої атестаційної комісії УСРР (ВАК).

¹⁹ Левченко Микола Захарович (1903—1934) — український етнограф, особистий секретар академіка А.Ю.Кримського. Завідувач друкарнею (1924—1929). Заарештований у сфабрикованій справі СВУ.

²⁰ Кримський Агатангел Юхимович (1891—1942) — український орієнталіст, мовознавець, академік ВУАН (1918), неодмінний секретар ВУАН (1918—1928).

²¹ Кравченко Іван Іванович (1899—1953) — історик, позаштатний співробітник КВСЕУ.

²² Іваницький-Василенко Сергій Михайлович (1883—1939) — історик права, штатний співробітник Комісії для вивчення західно-руського і українського права (1924—1934).

²³ Багалій-Ладженська Наталя Дмитрівна (1888—1967) — старша дочка Д.І.Багалія, жила в Ростові.

²⁴ Ладженський Олександр Михайлович (1891—1974) — доктор юридичних наук, професор державного права Ростовського і Московського університетів, чоловік Н.Д.Багалій.

²⁵ Шліхтер Олександр Григорович (1868—1940) — радянський партійний і державний діяч, учений-економіст, академік ВУАН з 1929 року, віце-президент ВУАН (1931—1938).

²⁶ Йдеться про Моргуца Олександра Михайловича (1874—1961) — економіста, останнього чоловіка Н.Д.Полонської-Василенко, з яким вона побралася в 1937 році.

²⁷ Правильно Левитський Володимир Фавстович (1854—1939) — економіст, академік ВУАН (1925).

²⁸ Грищенко Микола — історик, позаштатний співробітник КВСЕУ.

²⁹ Кокошко Степан Степанович — історик, в 1930-х роках — секретар Ц (Соціально-економічного) відділу ВУАН.

³⁰ Баранович Олексій Іванович (1892—1961) — історик, позаштатний співробітник КВСЄУ.

³¹ Про кого йде мова, встановити не вдалося.

³² Штепа Кость Тодосьович (1896—1958) — історик, професор Київського ДНО з 1931 року.

³³ Йдеться про батьків Н. Д. Полонської-Василенко — Дмитра Петровича Меншова (1855—1918) — генерал-лейтенанта російської армії, та матір — Марію Федорівну (з дому Мухортових), яка померла також в 1918 році, зразу ж після смерті чоловіка.

³⁴ Рєдин Микола Георгієвич (1902—1983) — співробітник Комуністичного університету.

³⁵ Назарець Олекса Іванович (1899—1936) — історик, співробітник комісії Лівобережної та Слобідської України.

³⁶ Йдеться про Інститут історії України АН УРСР, де тоді працювали О. П. Оглоблин — зав. сектором історії капіталізму та Н. Д. Полонська-Василенко — ст. науковий співробітник сектору феодалізму.

³⁷ Згадується син О. М. Моргуна — Юлик (Юдик) — який жив з дружиною і малецькою донькою у 1939—1940-х роках в Харкові, де приятелював з Ю. В. Багалієм та його дружиною Євгенією Марковною.

³⁸ Йдеться про захист докторської дисертації Н. Д. Полонської-Василенко “Очерки по истории заселения Южной Украины в середине XVIII ст. (1735—1775)”, який відбувся в Інституті історії АН СРСР (Москва) 18 жовтня 1940 року.

³⁹ Пічуга Володимир Іванович (1878—1947) — історик, академік АН СРСР з 1946 року.

⁴⁰ Савич Олександр Анатолійович (1890—1957) — історик, академік АН СРСР з 1946 року.

⁴¹ Матрена Іванівна — домопрацівниця в сім'ї Н. Д. Полонської — О. М. Моргуна.

⁴² Білецький Олександр Іванович (1884—1961) — український і російський літературознавець, академік АН УРСР з 1939 р. і АН СРСР з 1958 року.

⁴³ Богомолець Олександр Олександрович (1881—1946) — український фізіолог, держ. і гром. діяч, академік (1929) та Президент АН УРСР (1930—1946).

⁴⁴ В Київському державному університеті ім. Т. Г. Шевченка (КДУ) Н. Д. Полонська-Василенко читала курс українського джерелознавства.

⁴⁵ Йдеться про захист кандидатської дисертації аспіранта КДУ М. А. Сердюка, де Н. Д. Полонська-Василенко виступала опонентом.

⁴⁶ Згадується Марченко Михайло Іванович (1902—1983) — український історик, зав. сектором історії феодалізму Інституту історії України (1937—1941); з перервою, коли був ректором Львівського університету в 1939—1940 році.